

БОЛЬШАЯ МАЛАЯ ЛИТЕРАТУРА

КЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

Книга – анахронизм?

Я отец четырнадцатилетнего киевского мальчика, должен, к сожалению, констатировать: мой сын не любит читать книги. Чтению он предпочитает интернет, компьютерные игры, футбол, реслинг, юмористические программы типа «Нашей Раши», «Даёшь, молодёжь!» и «95-го квартала», ролики с выступлениями Жириновского, в которых тот на чём свет стоит читает Буша... Ещё он любит фильмы в переводах Гоблина. Занимается всем этим до поздней ночи. Ложится спать в четыре или в пять часов утра. Потом сонный идёт в школу. После школы спит, делает уроки (учится он хорошо), а потом снова в интернет, снова к любимому Гоблину... И ничего с этим, увы, поделать нельзя.

Надеюсь, пока нельзя. У меня и у жены ещё теплится надежда, что в какой-то момент он читать всё-таки полюбит. Когда я говорю, что сын не любит читать, то это совсем не означает, что он не любит книги. Любит. Ещё как! Но читает их не он, ему их читает мама. Или, во всяком случае, читала до самого последнего времени. На ночь. Раньше каждый вечер, сейчас уже иногда. Вот как с детства начала, так и продолжает. Как и каждая мать, она сына очень сильно любит. Чтение для неё – это что-то вроде невинного балованья дитяти.

Ещё год или два назад я иногда задавал себе вопрос: а не стыдно ли признаваться друзьям в том, что жена до сих пор читает подростку сыну книги, а он не делает этого сам? Мне, помню, однажды показало всё это чем-то неестественным, аналогичным грудному кормлению десятилетнего или одиннадцатилетнего ребёнка. Вырос – а всё ещё находится в положении младенца. Кстати, если вы зададите мне вопрос: а каких авто-

Фотом. ЕВГЕНЕВ

ров читала сыну моя супруга, то мне сразу в голову придёт Кир Булычёв. Причём не только повести о знаменитой Алисе Селезнёвой, но и о колониальных войнах англичан в Бирме. Мы привыкли видеть в Булычёве автора детской фантастики, а он ещё и специалист по Юго-Восточной Азии. И вот что интересно, этими бирманскими повестями заслушивался и... я. Стоял рядом с комнатой сына и слушал. Очень было познавательно, скажу я вам.

Одну книгу, правда, сын всё-таки прочёл. Трёхсотстраничную биографию футболиста Роналдо. Не знаю даже, радоваться или нет. Мы с женой, в отличие от сына, в детстве и

юности любили читать. Как и наши с ней родители, как наши дедушки и бабушки. И это понятно. Книга в наше время была безальтернативным и почти единственным средством информации и развлечения (интеллектуального, естественно). Моя бабушка по маме обожала «Консуэло» Жорж Санд. Я никогда так и не прочитал её, но вот знаком со всеми злоключениями Консуэло по рассказам моей бабушки.

В моём советском детстве, прошедшем на 70-е и первую половину 80-х, было только два телевизионных канала. Мультфильмы не тогда, когда хочешь, а «строго по расписанию». Восемьдесят процентов того,

что показывали по ТВ, было серой, нудной и ненужной чепухой. Поэтому всё, что нам нужно было узнавать о мире, мы узнавали из книг. В десять лет я побывал за пределами родного Донска только в Ялте, Сочи, Кривом Роге, Лондоне, Париже, Риме или Стамбуле я мог узнать лишь из книг. А вот мой сын в этом возрасте уже слетал на Кубу и в Китай. Он всё видел своими глазами. Так вот, есть разница между моим детством и детством сына? Есть. Книга для нынешней молодёжи стала каким-то анахронизмом. Она им кажется не очень продвинутом носителем информации, чем-то архаичным, как танцы под дедовский аккордеон в сельском клубе в глазах посетителя нынешних рейв-вечеринок в модных ночных заведениях.

И всё же мы с женой за сына боремся. И он сам иногда в этом нам старается помочь вот каким оригинальным способом. Как-то предложил мне сделку: он прочитает несколько книг типа «Хоббита», а я ему за это должен буду купить айфон. Я решил пойти на сделку, но предложил составить список из двадцати книг (в основном приключенческие романы и повести – Дюма, Стендаль, Скотт...), которые он должен прочесть. Мало того: потом он мне их должен был пересказать. Приз – айфон. И что вы думаете? Да ничего. Даже за айфон сын не смог отказаться от Гоблина и футбола. Не получилось у него. Я как-то спросил: «Сынок, так что, ты читаешь книги и не будешь вовсе?» Он посмотрел на меня: «Папа, не волнуйся. Есть же аудиокниги. Я вот сейчас «Хоббита» слушаю»...

А что, может быть, аудиокнига – это компромисс?

Александр Чаленко

Угадай метафору

Мы раздумывали, стоит ли рекомендовать эту книгу в нашем приложении. Всё-таки аннотация предназначает её для иностранных учащихся. Но, во-первых, разве в нынешних российских школах мало учеников, для которых русский язык – неродной? А во-вторых, даже у тех детей, для кого он родной, наблюдаются, увы, сложности с усвоением абстрактных понятий. Связанные в том числе с детским нечтением и неговорением на сложные, отвлечённые от эмпирической повседневности темы.

Если посмотреть на представленную книгу с этой точки зрения, она окажется действительно полезной. Прежде всего в ней приводятся не только теоретические рассуждения о природе тропов, «непрямых речевых

Владимир Шляхов, Левон Саакян, Наталья Толстова. **Иносказания в русском речевом взаимодействии.** – М.: Русский язык, 2014. – 192 с. – 1000 экз.

актов» – но и собран практический материал, разработаны специальные упражнения для лучшего понимания и усвоения, что такое метафора, эвфемизм, ирония, сарказм... Отдельная глава посвящена наметкам и умолчаниям: их

распознаванию тоже приходится учиться. И здесь хорошим словом надо помянуть иллюстративный материал. Да, дети мало читают – но для формирования усложнённых речевых способностей всё равно лучше любых других подходят образцовые литературные тексты. Иронии лучше всего учиться по Булгакову, иносказанию – по Гоголю, уклончивости... ну, например, по «Обломову» Гончарова.

Таким образом, перед нами краткий, но неплохо систематизированный и проиллюстрированный, адаптированный к практическому применению курс, который может стать подспорьем учителя, желающего дать детям представление о смысле обимплицитных смыслах человеческого общения и привить некоторые навыки их воплощения в речи.

Источник надежды и безграмотности

Что таит в себе интернет – угрозу или надежду для учителя-словесника? Учителя, в силу объективных причин, нередко бывают менее осведомлены о возможности информационной сети, нежели их ученики. В речи детей появляются специфические ошибки; письменные упражнения начинают изобиловать типовыми погрешностями, источник которых до поры до времени неясен... Пробовал ли кто-нибудь систематизировать и проанализировать эти явления, привнесённые в нашу жизнь Всемирной паутиной? Оказывается, уже да.

Представленный здесь сборник имеет свои недостатки и достоинства. Перечислим первые: предметная академичность (сухость) изложения, пунктирность, неразвитость многих тем (и вообще их небольшой круг), стремление рассматривать некоторые языковые явления как новые, притом что с распространением ин-

Современный русский язык в интернете / Ред. Я.Э. Ахалкина, Е.В. Рахилина. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 328 с. – 500 экз.

тернета они все-го лишь участились (но не возникли!) Перейдём к достоинствам. В отдельных статьях сборника описаны ошибки, появление которых резко возросло: стилистические и грамматические. Такова, например, статья Александра Летучего об изменениях в категории переходности/непереходности глагола, о новых синтаксических структурах. Интересны статьи

о речевой этикете, как он понимается в Сети, о новых жаргонных словечках и метафорах, которые просачиваются в повседневное и уже не электронное употребление. Среди авторов книги – учёные ИРЯ им. Виноградова РАН. И всё же: почему интернет – источник безграмотности, понятно: он сотрясает привычную языковую норму сразу на многих уровнях (словоупотребление, словообразование, синтаксис и даже фонетика). Но почему интернет – источник надежды? На это может быть несколько ответов, но в пределах представленной здесь книги станет понятен только один: появление которых резко возросло: стилистические и грамматические. Такова, например, статья Александра Летучего об изменениях в категории переходности/непереходности глагола, о новых синтаксических структурах. Интересны статьи

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ

Весёлое имя – Хмелита

Окончание. Начало на стр. 1

В «Хмелите» не совсем так. Здесь, после всех катаклизмов, практически нет собственных вещей Грибоедова, хотя всё, что собрано, действительно относится к началу – первой трети XIX века. Директор музея говорит на это: «Но стены-то у нас подлиннее!» И это верно. И стены, и дубы поблизости, старинная липовая аллея, и планировка, и облик, заботливо воссозданный по описаниям, – не позднейшей классицистской, а именно грибоедовской, тех времён. Здесь проходят научные конференции, в том числе и с международным участием. Сюда не раз приезжала Мэри Хобсон – англичанка, получившая награду за перевод «Горя от ума». А Присцилла Рузвельт, дальняя родственница знаменитого американского президента, в значительной мере именно по материалам «Хмелиты» написала и издала в 1995 году свой капитальный труд: книгу «Жизнь русской усадьбы. Социальная и культурная история». Присцилла присутствовала при восстановлении усадьбы, эта история захватила её, пробудила интерес к семейству Грибоедовых и к тем мотивам, которые ещё в юности могли запомниться будущему творцу великой русской стихотворной драмы.

К тому же здесь сохраняется не только память о грибоедовском семействе. Война 1812 года, прервавшая благоденствие усадьбы, декабристское восстание тоже отражены в экспозициях музея. Грибоедов не оставил записей об усадьбе своего дядюшки, и потому цитируют обычно воспоминания друга детства и соседа, Владимира Лыкошина: «Самый родственный дом был Хмелита»...

Последними частными владельцами «Хмелиты» были Волковы-Муромцевы, братья Николай и Владимир. Их воспоминания, фотографии из семейного архива, планы расположения комнат в доме и хозяйственных служб в усадьбе, нарисованные рукой Николая Владимировича, очень помогли в реставрации.

Знаменитые укоризненные слова о том, что мы ленивы и нелюбопытны, Александр Сергеевич Пушкин написал именно по поводу ушедшего в вечность Грибоедова и отношения к его памяти: надобно бы нам её ценить, узнавать, рассказывать, но вот не узнаём и не ценим... И эти слова были справедливы и остаются такими долгое время, но сейчас у нас есть – «Хмелита». Радостное место, где лень и нелюбопытство преодолены. Как во всяком хорошем музее, здесь всегда можно сделать открытие. Для автора этих строк открытием было акцентирование

того обстоятельства, о котором я, конечно, читала раньше, но не придавала значения: комедия «Горе от ума» была *рукописной*, её такой Пушкин назвал, и это слово совсем не было случайным. Только когда передо мной на музейном стенде оказались и печатный экземпляр, опубликованный в Германии раньше, чем первое издание в России, и рукописные списки долгие годы запрещённого в России «Горя...» – только тогда до меня дошёл смысл этой характеристики. Списков насчитывались многие тысячи (по словам Булгарина, до сорока) – впечатляет, пожалуй, побольше, чем самиздат.

В этих элегантных комнатах, просторных залах с высокими потолками давным-давно никто не жил – и всё же тут чувствуется жилой дух, человеческое присутствие. Большую залу на втором этаже арендовали для бала люди, увлекшиеся исторической реконструкцией. И выяснилось, что здесь помещается больше пар, чем могло показаться: так разумно организовано пространство. И здесь же, над входом, оставлен не заделанный штукатуркой широкий прямоугольник: свидетельство несчастья, постигшего «Хмелиту» в прошлом, и огромной работы, проделанной ради настоящего.

Татьяна Шабеева

ИНФОПОВОД

Литература как доблесть

Заседание Ассоциации учителей русского языка и литературы в Общественной палате РФ 24 июня началось с невольного заявления: понятия «добрлесть» и «честь» исчезают из обихода учащихся. Есть и повод лишний раз задуматься об этом – сейчас, когда планка удовлетворительного результата ЕГЭ по русскому и литературе опущена ниже низкого – с 36 баллов до 24. И хотя в этом году впервые можно говорить о том, что экзамен строжайшими мерами удалось наконец-то защитить от списываний (честь ЕГЭ отстояли), доблести в этом мало. Хотя и на этот счёт есть разные мнения.

Вот наиболее часто звучавшие на круглом столе суждения: «Единое образовательное пространство в области русского языка и литературы если не разрушено полностью, то находится на грани. Утрачивается такая функция, как формирование гражданской и национальной идентичности». – «Бюрократический беспредел съедает время учителя: требуется вести два журнала (бумажный и электронный), заполнять ворох отчётов, также на плечи учителя-словесника ложится и проведение общешкольных мероприятий». – «Необходимо восстановить высокий статус учителя русского языка и литературы, так как именно благодаря этим предметам формируется объединяющий страну культурный код». – «Надо обращать внимание не на идеологию, а на аксиологию культуры».

Звучали и более конкретные предложения: «Необходимо развести два предмета: русский язык и литературу». «Литература – исполнительское

Ирина Яровая

искусство, необходимо возрождать чтецкую традицию». Было справедливо замечено, что есть досадная странность в том, что, например, журналист может бесплатно посещать просветительские мероприятия (в том числе выставки, спектакли), в то время как педагогу, даже если это необходимо ему по работе, подобное расширение кругозора никто оплачивать не собирается, да и на покупку методической литературы выделяются совершенно недостаточные деньги...

Наконец, для тех, кому это не было понятно, разъяснили: решение по поводу снижения проходного балла ЕГЭ было чисто политическим и по-

литически-оправданным (вызванным необходимостью нивелировать стресс от устроения, усложнения процедуры экзамена). Вот только осталось неясным: намерены ли учителя добиваться последующего повышения планки, как только сочинение и невозможность списывать на государственных экзаменах войдут в привычку. Ведь сейчас «удовлетворительным» признаётся вовсе ничтожный результат (впрочем, не только по русскому языку, но и по математике), и это никак не соотносится с заявленными высокими целями, к которым стремится учитель-словесник, которые ставит перед ним государство и воплощения которых ожидает общество.

Увы, но это коренное противоречие, и притом что учителя-словесники прекрасно осознают общественную государственную и национальную значимость, ценностную уникальность своих предметов, остаётся немало «белых пятен» в конкретном наполнении этого понимания. Показателем состоявшийся на круглом столе диалог с депутатом Госдумы Ириной Яровой (настоящим диалогом его назвать трудно, ибо все принципиальные возражения были высказаны после её ухода). Опираясь более или менее убедительными аргументами, депутат доказывала необходимость внедрения единого учебника по литературе, как способного защитить детей от дискриминации (читай – выбора ненадлежащих по исполнению учебников) и как единственно пригодного для выражения общенационального культурного канона. Сейчас же «за-

частую выбор является коммерческим, а учебники не соответствуют задаче, полны ошибок». Потребная учителю свобода, по мнению Яровой, вполне может осуществляться помимо учебника.

С депутатом Яровой можно и, вероятно, нужно спорить (как максимум – для отвержения её аргументов – как минимум – для пристальной корректировки качества выпускаемого учителями единого учебника), но трудно отрицать, что сама идея единой линейки учебников по литературе находится в строгом соответствии с утверждением общегосударственной значимости предмета «литература» – или, что ещё точнее, «русская литература» (такая формулировка тоже прозвучала на круглом столе). Когда мы говорим про «общегосударственную значимость» и «общенациональный канон», слова «единый учебник» находятся, право же, совсем недалеко от русла наших рассуждений; при определённом логическом усилии эти понятия можно попытаться до некоторой степени развести, но удивляться, откуда эта идея взялась у чиновников, было бы странно. Однако на июньском круглом столе были высказаны лишь принципиально общие возражения, и очевидно, что история этого противостояния продолжится. Вот только будет ли оно оформлено открытым, аргументированным, непредвзятым обсуждением? Надеемся, что учителя примут в нём участие.

В известном смысле для этого тоже пригодится понятие «добрлесть».

Александр Николаев

Воспитание достоинства

Эта книга, конечно, давно стала классикой – и уже успела попасть в ту классику, что подвергается активной ревизии. В последние пятнадцать лет озабоченная общественность США ломает копыта: а вдруг некорректно рассказывать детям про насилие? А вдруг это плохо, если в книге столько раз употребляется слово «ниггер»? Да, разумеется, в 60-е книга «Убить пересмешника» была символом борьбы с пережитками расизма. Но вдруг для современности она уже недостаточна толерантна?

К счастью, мы в России пока ещё можем не обращать внимания на такие интеллектуальные перверсии. И потому можно порекомендовать не забывать эту чудесную книгу, в которой замечательный отец – добросердечный и честный – объясняет и своим примером показывает детям, что такое мужество и что такое

Харпер Ли. **Убить пересмешника.** – М.: АСТ, 2014. – 412 с. – 7000 экз.

вращая их в толпу. А закон – безусловно, очень важен и почти священ, но иногда не способен вместить сложность и многообразие жизни, и это тоже нужно объяснить детям...

История сделала полный круг: в США книгу «Убить пересмешника» превозносили, а теперь запрещают с тем же ханжеством, против которого она написана. Но объективно перед нами одна из самых сильных реалистических детских книг XX века, прекрасно написанная, учащая сопереживанию, гражданской сознательности – при этом полная лиричности чувства и лишённая прямолинейной назидательности. Несомненно, это классика, о которой стоит напомнить детям, и к тому же отлично переведённая на русский язык в пору, когда работали настоящие мастера.

Татьяна Самойлечева

АЛЬТЕР ЕГЭ

О судьбе школьного литературного образования

В этом учебном году на государственном уровне были затронуты вопросы школьного предмета «литература». Съезд Ассоциации учителей русского языка и литературы, Российское литературное собрание предшествовали постановлению президента о необходимости пересмотра форм итоговой аттестации по литературе и учёта «результатов публичной защиты обучающимися индивидуальных проектов в форме сочинения».

Казалось бы, наконец мы можем ответить чиновникам, что, помимо внутреннего потенциала предмета «литература» и нашей читательской и профессиональной убеждённости в его значимости, у нас есть и государственная поддержка. Но, уважаемые коллеги, на данный момент в методике и школьной практике не существует такой формы работы, как *индивидуальный проект в форме сочинения*. Все понимаем, но никто не уточнил и не посмел возразить...

Постановление президента начало реализовываться молниеносно. В итоге появился информационный ресурс, на котором была представлена «концепция итогового сочинения», в настоящий момент она находится на утверждении, а 15 мая в ряде городов России уже писали сочинение... Авторы концепции не утруждают себя ни вопросами методики, ни тем более методологии методики, а просто определили время, место в учебном плане и формат работы — «допускное сочинение».

Это путь в никуда. Вместо поиска эффективной стратегии, способной решать серьёзные сложившиеся проблемы (не-чтения, не-осмысленности человека выражать свои мысли и чувства в слове), мы ищем подпорки к изначально шаткой, не имеющей ни научного, ни педагогического фундамента постройке: ЕГЭ по литературе. Исчезает предмет-цель: вводится литература без чтения, аттестация учителя комиссией, никогда не бывшей у него на уроке, отчёт о работе с детьми вместо самой работы.

Что же нас всё время удерживает? Усталость и неверие, что можно что-то изменить? Итак, вот кратко позиции, которые определяют наши предложения:

Первое и, наверное, самое важное. При определении итоговых форм контроля давайте исходить из того, что *литература* — единственный предмет в школе, который представляет искусство на протяжении всего курса обучения (какое счастье, что в нашей школе у детей ещё есть уроки литературы (чтения) с 1-го по 11-й класс! Это достойные отече-

ственной системы образования). Технология ЕГЭ не может быть итоговой формой выявления уровня литературного развития читателя, хотя бы уже потому, что не имеет ни эстетической, ни научной, ни нравственной, ни педагогической основы. Есть ли хоть одно *научное исследование*, оправдывающее эту технологию?

Второе: в системе отечественного школьного образования литература всегда занимала особое место.

Фотопортрет Е.И. Зейферт

На протяжении более чем двух веков выстраивалась уникальная наука-искусство — методика преподавания литературы, которая в конце XX века достигла своего расцвета и создала систему литературного развития читателя-школьника.

Учитываем ли мы этот путь в предлагаемой концепции? Каковы научные и практические основы и на какой путь и результат ориентирует школьное литературное образование данная концепция?

Третье. Ответим на главный вопрос: *какова цель школьного литературного образования?* Владимир Георгиевич Маранцман — петербургский учёный-поэт-методист — определил её философски ёмко и

педагогически точно: помочь молодому человеку, входящему в жизнь, *обрести механизмы общения с искусством, наукой, людьми, с самим собой*. Для чего мы идём на урок литературы? Чтобы наши дети читали вместе с нами, а потом и без нас хорошие книги, трудились сердцем, открывали красоту мира и человека. Литература как учебный предмет есть школа диалога.

Четвёртое. Итоговая форма контроля предполагает — итог чего? Как может быть «допускное» (и разве есть в русском языке такое слово?) сочинение формой зачёта, а ЕГЭ формой экзамена? К чему допускают? Какой путь подготавливает ЕГЭ? Путь развития читателя, человека думающего и чувствующего, и путь подготовки к ЕГЭ — это разные

традицию заучивания ряда текстов *наизусть* — нельзя любить литературу, не зная из неё ни строчки.

Учитывая всё вышесказанное (и не сказанное в силу формата заметок), предлагаю следующие:

1. Определить особый статус предмета-искусства «литература» в школе, обусловленный его природой и русской культурной традицией, что позволит создать органичную форму (условия, методы, критерии) промежуточного и итогового контроля над уровнем литературного развития читателя-школьника.

2. Отменить итоговую форму контроля по литературе в формате ЕГЭ как противоречащую природе предмета и научно несостоятельную, оказывающую губительное влияние на мотивацию и качество чтения ученика и работу учителя.

3. Продолжать развивать отечественную методику и обратиться к решению актуальных научных задач (провести широкомасштабное междисциплинарное исследование (психологи, педагоги, врачи, социологи и др.) современного школьника как читателя и как личности; обратиться к лучшим достижениям отечественной методики с целью выявления оптимальных форм диагностики уровня литературного развития; провести экспертизу действующих УМК по литературе для выявления соответствия уровня качества целям и задачам школьного литературного образования; учитывая мировой масштаб проблемы чтения, провести международное исследование в сфере проблемы качества и диагностики читательского развития).

4. На основе достижений отечественной методики и полученных результатов актуальных научных исследований создать концепцию современного литературного образования.

Забегая вперёд, выскажу «кромольную мысль»: предлагаю выставить итоговую оценку в 11-м классе по принципу накопительной системы, которая бы учитывала весь путь литературного и личностного развития ученика: знание литературы, его движение как читателя, качество творческих и исследовательских работ. Итоговые диагностические работы проводить по окончании каждого класса с целью выявления уровня литературного развития учащихся.

Елена ЯДРОВСКАЯ,
доктор педагогических наук, доцент кафедры образовательных технологий в филологии РГПУ им. А.Н. Герцена

КЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

Целостный мир отрывка

Для любителей лёгких беллетристических прогулок данная книга — неподходящая территория. Уже в названии кроется филологическая интрига: неравнодушный, ищущий читатель поймёт, что его готовят к открытиям.

Первым об отрывке как жанре упоминал в 1830 г. Н. Погодин в «Московском телеграфе», однако эта мысль не была исследована вплоть до 1920-х годов, когда Юрий Тьянов поставил проблему изучения отрывка как жанра. Однако изучение этого жанра не стало интенсивным, работы на эту тему были интересными, но малочисленными. Эту задачу постарался решить доктор филологических наук Елена Зейферт.

Она провела подробное научное исследование отрывка как жанра на максимально широком материале с привлечением различных исследовательских методов, не ограничиваясь только «жанровыми» оценками, анализируя отрывок и с точки зрения графического облика, и на примере метрики и строфики, не упустив синхронно и диахронно стиховых форм, лирический сюжет и источники жанра.

Е.И. Зейферт. Неизвестные жанры «золотого века» русской поэзии. Романтический отрывок / Учебное пособие. — М.: ФЛИНТА; Наука, 2014. — 380 с. — 200 экз.

— появление наименования «отрывок», безусловно, не было случайным в русской романтической поэзии... <...> ...отрывок мыслится как специфическая форма... как жанр русского романтизма;

— ...отрывок появляется либо на «осколках» большой формы, либо в результате взаимодействия с другими лирическими жанрами <...>;

— авторы отрывков стремились подчеркнуть лирическую природу этого жанра... <...>;

— относительная неустойчивость формального указания на жанр отрывка, возможно, свидетельствует о некоторой размытости его жанровых границ, однако многочисленные случаи пародирования отрывка (79 пародий) показывают, что жанр сохраняется;

— относительно формальное указание на жанр отрывка, возможно, свидетельствует о некоторой размытости его жанровых границ, однако многочисленные случаи пародирования отрывка (79 пародий) показывают, что жанр сохраняется;

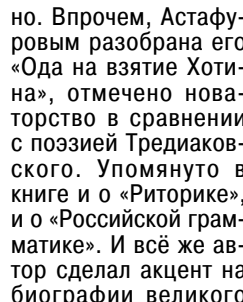
— что же касается ищущего читателя, а им может оказаться любитель русской поэзии — от студента филофака до преподавателя литературы, он найдёт в пособии богатейший список работ, способных раскрыть горизонты и подсказать пути познания в безграничном космосе мировой словесности.

Ольга МОТОРИНА

Русские энциклопедисты

Владимир Астафуров. Ломоносов. Самородок землицы русской. — М.: АСТ-Пресс, 2014. — 32 с.: ил. — Тираж не указан.

Андрей Сахаров. Николай Карамзин. Колумб истории российской. — М.: АСТ-Пресс, 2013. — 32 с.: ил. — Тираж не указан.

Впрочем, Астафуровым разобрана его «Ода на взятие Хотина», отмечено новаторство в сравнении с поэзией Тредиаковского. Упомянуты в книге и о «Риторике», и о «Российской грамматике». И всё же автор сделал акцент на биографии великого русского учёного — биографии, спору нет, настолько интересной, даже захватывающей, что книгу не портит и недостаток подробностей литературной деятельности Ломоносова. Знакомство с гением состоится, а что представлен он преимущественно как учёный-естествоиспытатель — так ведь и это тоже правда.

А вот писавший историк Михаил Васильевич сам не взялся, хотя и помогал собирать материал для Вольфганга захода. Огромную работу по созданию первого корпуса русской истории предстояло выполнить Карамзину — и книга о нём строится по-другому. Именно труд Андрея Сахарова наилучшим образом представляет Карамзина как деятеля литературы и вообще словесности: подробно и внятно рассказано и о новаторстве его повестей и о вкладе в совершенствование и

развитие возможностей русского языка. Попутно говорится и о таких деятелях, как Новиков или Державин, ведь немаловажно то, что Карамзин начал вести первый в России литературный журнал, достаточно приложил усилия для создания той культурной среды, в которой вырос и Пушкин.

Обе книги компакты, хорошо иллюстрированы, содержат множество цитат и вставных историй, позволяющих составить представление не только о конкретном деятеле, но и об эпохе, в которой он жил и работал, о фигурах, которые его окружали.

Прошло полвека

Четвёртого июля исполнилось 50 лет со дня смерти Самуила Маршак. Прошло полвека, а этот человек остался символом добросовестной работы на всех литературных направлениях, за которые брался. Многие критиковали сонеты Шекспира в переводе Маршак — но они по сей день наиболее популярны у читателей. Дело в том, что у Маршак был особый и редкий переводческий дар: он умел почувствовать автора, раскрыть его и притом не затмить собой. К тому же у него был хороший, здоровый художественный вкус — и это делает его переводы ценными для учителей-словесников.

Самуил Маршак. Переводы. — Воронеж: Кварт, 2012. — 240 с. — 1100 экз.

А в особенности представленная здесь

двуязычная книжка. Она издана в Воронеже, на родине Маршак, и сопровождается биографическим очерком. Но самое интересное — основательная подборка переводов в купе с оригинальными текстами на английском: Шекспир, Бёрнс, Блейк, Байрон, Ки-

ЗРИ В КОРЕНЬ

Поп Упырь Лихой и кирилловица

В 1047 г. «поп Упырь Лихый» переписал библейские Книги пророков с толкованиями по заказу новгородского князя Владимира, сына Ярослава Мудрого, о чём сообщил в послесловии к книге. Рукопись предназначалась, вероятно, для библиотеки каменного Софийского собора в Новгороде, построенного Владимиром в XI—XII вв. Новгород отличало особое почитание ветхозаветных пророков. В барабане купола Софийского храма изображены пророки Исаия, Иеремия, Иезекииль и др.

Остается неясным, происходил Упырь Лихой из Новгорода или перебрался туда позднее, работал он в Новгороде или выполнил заказ в Киеве, где могли заказывать роскошные фолианты знатные новгородцы. Рукопись 1047 г. — самая старшая известная ныне славянская книга с точной датой (проставленной самим писцом). К сожалению, она сохранилась не в оригинале, а в поздних ко-

пиях конца XV—XVII вв. Многие из них содержат глаголические буквы и слова среди основного кирилловского текста.

Упырь Лихой — представитель второго или третьего поколений древнерусских христиан. Не только в его время, но и много позднее старые мирские имена употреблялись чаще, чем христианские, и даже духовные лица пользовались ими вполне свободно. Прозвище *Упырь* долго бытовало на севере Руси. Известны крестьяне Макарий Упырь (1495 г., Новгород) и Упырь Тараско Кузмин (1582 г., Северная Двина). Возможно, страшные имена вроде Упыря давали детям как оберег, чтобы отпугнуть от них нечистую силу, защитить от колдовства, слеза, порчи, смерти...

Упырь Лихой начал послесловие благодарением Богу, который помог ему «написати книги си ис кирилловиц». Это сообщение — самая ранняя письменная фиксация названия славянской азбуки. Термин *кирилловица* (*кириллица*) не мог появиться

при жизни Константина Философа, изобретателя глаголицы. Константин получил имя Кирилл при монашеском постриге незадолго перед смертью 14 февраля 869 г. в Риме. Каким же было первоначальное значение этого термина?

Словацкий учёный П.И. Шафарик считал, что Упырь Лихой переписал кирилловскими буквами южнославянский глаголический оригинал и по невнимательности перенёс в свой текст отдельные глаголические буквы и слова. При этом поп Упырь называл глаголицу кирилловицей, то есть её исконным именем. Вторую славянскую азбуку создали ученики Константина и Мефодия в восточной Болгарии при царе Симеоне (893—927 гг.) по образцу греческого крупного письма (унциала). Со временем она вытеснила глаголицу у православных славян и унаследовала её название *кирилловица* (*кириллица*), которое сохраняется за ней до сих пор. Однако эта популярная гипотеза вызывает возражения.

Списки Толковых пророчеств XV—XVII вв., восходящие к автору Упыря Лихого, сохранили древнюю традицию книжного орнамента. Она сложилась в болгарских и македонских скрипториях X в., когда активно использовались оба алфавита. В Толковых пророчествах их употребление строго разграничено: кириллица — основное, строчное письмо, глаголица — декоративное, крупное. Глаголица использовалась только в прописных и заглавных буквах и названиях статей. Ни в одном списке Толковых пророчеств глаголица ни разу не встречается в строчном письме. В Древней Руси рано познакомились с таким оформлением текста, но прибегали к нему редко (Евгениевская Псалтырь XI в.).

Но если Упырь Лихой переписал Толковые пророчества не с глаголического, а с македонского или болгарского кирилловского оригинала, то как тогда понимать его слова «написати книги си ис кирилловиц»? На их значение проливает

свет докладная выписка 1675 г. о книжных работах в Посольском приказе. Документ хорошо отразил старую терминологию книжного дела: «Книга... въ лицахъ [с миниатюрами], лица писаны на полотнъ изъ масла...». Выражение *изъ масла* означает здесь «красками из масла».

Слова «написати книги си ис кирилловиц» относятся не к оригиналу, с которым работал Упырь Лихой, а к его собственному списку, и их надо понимать в значении «написать буквами из кириллицы». Упырь Лихой счёл нужным сделать это уточнение, очевидно, потому, что трудился не один. Другой мастер, рубриковщик, перерисовывал глаголические заголовки и многочисленные буквы, украшавшие македонский или болгарский кирилловский оригинал 1047 г.

Василий КАЛУГИН,
доктор филологических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова

ЛИРИЧЕСКАЯ ПЕРЕМЕНА

Мargarита ЧЕБЫШЕВА — поэт из Вятки (Кирова). Преподавала русский язык и литературу в школе. Свой первый поэтический сборник «Северянка» выпустила в 1967 году. Стихи публиковались в газетах, журналах, коллективных сборниках Кирова, Перми, Горького, Москвы. Лауреат Всероссийской премии им. Николая Заболоцкого.

ПОЛОВОДЬЕ
У всякого народа есть родина, но только у нас — Россия.
Георгий Федотов, «Лицо России»
Созерцательность русской души, жизнь в мечтах, отрешённость от бытия и не плохи, и не хороши: мы — такие. Бесплодность попыток переделать на чей-нибудь лад нашу русскость давно очевидна. Но из окон высоких палат никакого народа не видно. Он живёт, как большая река, и спокойно, и вроде покорно, но плотину, что с виду крепка, день за днём подмывает упорно. В половодье преграду снесёт, разольётся широко и вольно.

А обидчиков тут же спасёт: Пусть живут, с них испуга довольно. «Не замай!» — говорю давно и в истории нашей нередко. А народ сохранит всё равно прав, который достался от предков. Но не примет, тому не бывать. И на тех, кто в высоких палатах, между прочим, ему наплевать, он про них незлобно, но — матом. Он мечтательно в небо глядит и любит звёздную пылью: «Под лопатками что-то зудит, видно, время налаживать крылья». И слетает. С рзвистых сапог блеск галактик стряхнёт в крыльечка. Грызь родных непролазных дорог завтра вновь не заметит бесечно, но заметит: в звёздном дыму

на крутом косогоре берёзы... В этот час не мешайте ему, не спугните счастливые слёзы. Он посеет приорицию семян, что собрал на оаляской планете. Может, вырастет звёздный бурьян... Но, конечно же, дело не в этом. Просто каждый в России — поэт, мы болны красотой изначально, Беловодья и Катезжа свет в нас живёт и мечтой, и печалью. Это наш, непродуманный мир, мы земные всего лишь отпрыски. Нам по-прежнему дорог и мил светлый призрак всеобщего счастья. Русь дикинкой в мире слыла, мы другим непонятны и странны. Но река будет течь, как текла, — к океану.

Татьяна САМОЙЛЫЧЕВА

ДО САМОЙ СУТИ

Москва Грибоедова: исторический экскурс в «Горе от ума»

Зиму 1823/24 годов Александр Сергеевич Грибоедов провёл в Москве, усердно посещая прежде ненавистные ему балы и вечера, к удивлению его самого задушевного друга Степана Бегичева. Грибоедов даже жил у Бегичева, поскольку его отношения с матерью были столь плохи, что он не мог поселиться в родном доме в Новинском. На недоумённые расспросы Степана он отвечал коротко: «Не бойся, время моё не пропадёт». И это было правдой: он дописывал «Горе от ума». Москва была городом его детства и юности, который он оставил 2 сентября 1812 года вместе со всеми москвичами и где с тех пор провёл одну неделю в августе 1818 года проездом из Петербурга в Персию. Пять лет страдая в духовной пустыне Персии и Кавказа, он мечтал не о Москве, а о Петербурге, где остались все его друзья. Но, получив в начале 1823 года желанный отпуск, приехал жить именно в Москву, где и оставался до конца мая 1824 года. И только закончив черне комедию, немедленно, даже не сказавшись другу, уехал в Петербург. Никогда более он не останавливался в Москве иначе как проездом.

Больше года своей такой короткой жизни Грибоедов пожертвовал желанию заново узнать московскую жизнь, столь изменившуюся после великого пожара. И эти непосредственные живые наблюдения он перенёс в пьесу, действие которой строго одновременно его пребыванию в старой столице: оно приходится на ноябрь–декабрь 1823 года. Естественно, многие реалии той поры оказались забыты и образы героев перестали быть понятными, потускнели под хрестоматийным глянцем. Они засверкают вновь свежими красками, стоит только стереть этот тусклый слой.

Преобразится Софья, которая обычно кажется малоинтересной и читателям, и актрисам. Во вводной ремарке указано, что дверь справа ведёт в спальню Софьи, откуда героиня потом выходит к Молчалиным, однако современники Грибоедова понимали, что спальня Софьи хотя расположена за дверью, но не прямо за нею. Ведь в той же ремарке указано, что слышны звуки фортепьяно и флейты. А фортепьяно предполагает возможность пригласить подругу, учителя или хоть настройщика, тогда как в спальню молодой девушки доступ закрыт всем, кроме матери, няни или гувернантки, служанки и врача. Но у светской девушки есть, кроме спальни, комната-кабинет, где она принимает подруг, портних, парикмахера, учителей, даже молодых людей (конечно, днём).

Поэтому Софья могла пригласить Молчалина к себе, но особенно отступая от норм

девичьей стыдливости. Какой же характер у этой романтической девицы? Он раскрыт всё той же неисчерпаемой ремаркой: «слышно фортепьяно с флейтою». Обычно думают, что Софья играет на фортепьяно, а Молчалин подыгрывает на флейте. Однако Фамусов без всякого волнения замечает: «То флейта слышится, то будто фортепьяно; для Софьи слишком было брано...» Он не удивлён — значит, Софья умеет хоть немного играть на флейте. А ведь флейта — чисто мужской музыкальный инструмент. Это, конечно, не стрельба из пистолета, но проявление явно-го стремления к эмансипации, уже немного заметного в России тех лет.

А вот горничная Лиза окажется проще, чем обычно думают, хотя одета в барышничьи платья, ношенные тою всего два-три

раза. На простоту Лизы указывает одна фраза: на вопрос Софьи «Который час?» горничная отвечает: «Седьмой, осьмой, девятый». Её реплика кажется непонятной. То ли Лиза врет на ходу, чтобы поторопить барышню, то ли отвечает наобум, а потом справляется с часами? то ли автор просто перебирает слова ради рифмы? Но всё это неверно. Час именно девятый, раз уже светает (в Москве в начале зимы солнце вставало около восьми). Сперва Лиза пытается ответить, со своей точки зрения, исчерпывающе: «Всё в доме поднялось», но повторно спрошенная о часе, бросается к часам и высчитывает расположение стрелок: маленькая стрелка в самом низу — седьмой, это точка отсчёта, а далее по пальцам «осьмой, девятый». Так считают дети, так считают полуграмотные слуги.

Скалозуб — «золотой мешок», но род и состояние его новые, поскольку не имел связей для поступления в гвардию, всю жизнь прослужил в мушкетёрах или егерях. Он даже на войне отличился очень мало: получил награду «за третье августа». Современникам Грибоедова, пережившим войну, к этим словам не нужны были пояснения: 3 августа 1812 года боевых действий не было, после сражения при Красном 2 августа русская армия перемещалась в районе Смоленска до 4 августа. А вот 3 (15 по европейскому стилю) августа 1813 года Силезская армия, половину которой составляли русские войска, первой двинулась на французов после длительного летнего перемирия, отвлекая часть сил Наполеона от более важного наступления у Дрездена и не встречая почти никакого сопротивления. То, что Скалозуб отличился в этот день, а не в дни великих битв Бородина, Кульма, Лейпцига, свидетельствует об отсутствии инициативности: в более важных сражениях его отодвигали на задний план быстро думающие и действующие офицеры.

В московском обществе полковник должен был чувствовать себя неуютно. Наиболее уважаемое лицо на балу — старуха Хлестова — знакомится с ним сидя, что Грибоедов выделяет с нажимом ремаркой, и откровенно издевается над трёхаженым удалыцом, спрашивая: «Вы прежде были здесь... в полку... в том... в грендерском?» Насмешка в том, что в грендерские набирали молодых, как и Скалозуб, высокого роста с зычным голосом, но это касалось только солдат! Хлестова словно спрашивает: не из рядовых ли вы, батюшка, выслужились?

Чацкий после отставки отправился в Петербург, где занялся сочинительством, причём стал известен даже Фамусову («славно пишет, переводит»), отнюдь не охотнику до литературы. Из Петербурга герой и прибыл в Москву к Софье. Это кажется совершенно несомненным не только потому, что «вёрст больше седьмисот» — общеизвестное расстояние между обеими столицами, но и потому, что только по главному почтовому тракту страны можно было проделать такой путь за сорок пять часов.

Ещё самому Грибоедову во время следствия по делу декабристов ставили образ Чацкого в упрек: мол, вывел декабриста, значит, был знаком с подобными! Грибоедов отшучивался перед судьями образом Репетилова. Но впрямь ли Чацкий — декабрист или насмешка над декабристами? Нет! к весне 1824 года, когда Грибоедов закончил

пьесу, он не знал ни одного члена тайных обществ. Конечно, как и все в России, начиная от императора и кончая светскими сплетницами, он слышал о существовании тайных обществ, но не имел перед глазами образцы для своего героя.

Он предоставил Чацкому выразиться достаточно неопределённо: главным было его возмущение против засилья жалких «французиков из Бордо» в русском свете, против их влияния на умы, одежду и нравы дворян, против подавления ими собственной русской мысли.

Однако, не имея возможности сделать главного героя членом декабристской организации, опираясь на одни смутные слухи, Грибоедов очень остроумно ввёл в пьесу сами эти слухи, за нарочитой, подчёркнутой нелепостью которых вырисовывалась подлинная глубина зрелищных замыслов декабристов. Всё то, что не мог позволить себе сказать Чацкий, всё то, что не мог позволить себе сказать автор, — он вложил в уста Репетилова.

Конечно, «секретнейший союз» по четвергам в Английском клубе выглядит смешно. Но пусть смешон репетиловский союз, пусть пародия, — в основе всякой пародии лежит какой-то истинный факт. Если пустоголовые франты и шулеры собираются для политических разговоров, подражая кому-то, значит, им есть кому подражать. Только те, кому они подражают, обсуждают политические темы уже всерьёз. И перечень этих тем Репетилов дал:

Я сам, как схватится о камерах, присяжных, О Байроне, ну о матерях важных, Частенько слушаю, не разжимаю губ; Мне не под силу, брат, и чувствую, что глуп.

«Камеры, присяжные» здесь — прямой намёк на споры об английской парламентской и судебной системах, возможности их введения в России, которые активно велись в среде декабристов. Байрон упомянут не как поэт, но как борец за независимость Италии и Греции, символ революционного и освободительного движения 1820-х годов, тактика, успехи и неудачи которого интересовали будущих декабристов. Фактически Грибоедов через болтовню Репетилова сообщает зрителю о чьём-то желании ввести в России представительное правление, может быть, даже путём революции. Большого никакой автор не мог себе позволить в пьесе, рассчитанной на постановку в императорском театре...

ЕКАТЕРИНА ЦИМБАЕВА,

автор книги «Грибоедов» серии «ЖЗЛ»

СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

Русские в 2014 году

Окончание. Начало на стр. 1

Он особенно гордился добротными московскими больницами, которые расположились во дворцах. Добродушный, рассеянный, хлопотливый барин превращался в задир, когда речь шла о чести России. Его упрекали в квадном патриотизме (термин родился как раз во времена Загоскина), а он и впрямь был привязан к мочам русской жизни и от кваса никогда не отказывался. В европейской идеологии, которая становилась всё радикальнее, видел угрозу. Россию воспринимал как последнюю тихую пристань здравого смысла. Загоскин высмеивал, но побаивался русских космополитов — и, как истый сторонник системы Николая I, видел спасение в изоляции. Роман Загоскина, направленный против западного влияния, назывался прямо — «Искуситель». Аполлон Григорьев писал о мировоззрении Загоскина ядовито: «Любовь к застою и умиление перед застоём, лишь бы он был существующим фактом, китизм и исключительность в понимании народного развития, взгляд на всякий протест как на злодеяние и преступление, признание заслуги в одной покорности». Недоброжелатели иногда лучше друзей улавливают нашу суть — только нужно отбросить зыбительность.

Те времена из нашего далёка нет-нет да и покажутся сусальными. Но борьба миров и после Наполеоновских войн не прекращалась. К России в Европе относились с раздражением: в особенности это проявлялось в связи с лидирующим положением державы Николая I в Священном союзе. Никто не вспоминал о бесчинствах Великой армии в Москве и Смоленске — зато на голубом глазу тиражировались рассказы о «русской дикости». Уничтожительные легенды об империи Петра Великого овладевали и

русскими умами... Денис Давыдов, Иван Дмитриев и Загоскин уже говорили о «русифобии», правда, писали это слово с двумя «с». Загоскину было с кем сражаться.

Обидно, что крылатое при словце «Москва и москвичи» мы постоянно приписываем одному Гиляровскому. А ведь авторство, несомненно, принадлежит Загоскину, Гиляровский сознательно цитировал предшественника. В «Москве и

москвичам» Загоскин, как Сервантес (а позже — и Горький), нафантазировал разговор о себе самом: «Да вот хоть недалеко иди: г-н Загоскин... Не то чтоб он был какой-нибудь знаменитый писатель — нет! есть, батюшка, гораздо починее его, да ему как-то пощастило: выдал «Юрия Милославского», попал в народность да и пошёл пописывать разные романчики...»

Трудно пришлось бы Загоскину в эпоху политического террора — как он гордился, что в России надолго воцарилась «возлюбленная тишина!» В «Москве и москвичам» есть поразительное рассуждение:

«О, вы не можете себе представить, как прекрасен этот Кремль, когда державный его хозяин посетит свою Москву! Эта дворцовая площадь, на которой теперь так пусто, покрывается и закипит вся народом, из которого многие ночевали на этой площади для того только, чтоб занять повыводное место и взглянуть лишней раз на своего государя. Вы посмотрели бы на Кремль тогда, как заглядит наш большой колокол и

шественника, — вы никогда нас не поймёте. Нашему царю стража не нужна: его стража весь народ русский». В 1860-е такие рассуждения воспринимались как язвительная пародия. Кто виноват в том, что «распалась связь времён»? Возможно, и те, кого Загоскин называл искусствителями.

В Москве нет памятник Загоскину — а он больше других писателей любил и понимал Белокаменную, хотя полжизни провёл в родном Пензенском уезде и Петербурге. Десятилетиями он никуда не выезжал из Москвы, исследовал родной город и писал эти очерки. По «Москве и москвичам» мы получили представление о московской купеческой свадьбе, об Английском клубе, о лихачах-ямщиках. И, главное, о почвеннических взглядах писателя.

Это он превратил Оружейную палату, да и Кремль в целом, в уникальный заповедник Московской Руси. Скольким русским людям он раскрыл романтическое величие двух вечных кремлёвских царей — Пушкин и Колокола. Как он умел показывать Москву — с Воробьёвых гор, в классическом ракурсе, твёрдо зная, под какое дерево следует прилечь, чтобы увидеть закат над Кремлём. Это он без всяких философий научил славянофилов любить Русь Московскую.

Легко представить себе Загоскина в год его 225-летия. Долго унывать он не умел. Наверное, верил бы в возрождение России, боролся за единение славянских народов под знаменами великой державы. Многие про нас он успел написать: путь Юрия Милославского не кажется фантастичным и в наше время.

Легко представить себе Загоскина в год его 225-летия. Долго унывать он не умел. Наверное, верил бы в возрождение России, боролся за единение славянских народов под знаменами великой державы. Многие про нас он успел написать: путь Юрия Милославского не кажется фантастичным и в наше время.

Легко представить себе Загоскина в год его 225-летия. Долго унывать он не умел. Наверное, верил бы в возрождение России, боролся за единение славянских народов под знаменами великой державы. Многие про нас он успел написать: путь Юрия Милославского не кажется фантастичным и в наше время.

Легко представить себе Загоскина в год его 225-летия. Долго унывать он не умел. Наверное, верил бы в возрождение России, боролся за единение славянских народов под знаменами великой державы. Многие про нас он успел написать: путь Юрия Милославского не кажется фантастичным и в наше время.

Легко представить себе Загоскина в год его 225-летия. Долго унывать он не умел. Наверное, верил бы в возрождение России, боролся за единение славянских народов под знаменами великой державы. Многие про нас он успел написать: путь Юрия Милославского не кажется фантастичным и в наше время.

Легко представить себе Загоскина в год его 225-летия. Долго унывать он не умел. Наверное, верил бы в возрождение России, боролся за единение славянских народов под знаменами великой державы. Многие про нас он успел написать: путь Юрия Милославского не кажется фантастичным и в наше время.

АРСЕНИЙ ЗАМОСТЬЯНОВ

УГОЛ ЗРЕНИЯ

Комедия современная и своевременная

Совсем недавно случилось мне по одному из каналов ТВ услышать утверждение известного либерального интеллигента, имеющего прямое профессиональное отношение к театру и кино. Речь шла об изучении грибоедовского «Гора от ума» в школе. Он сказал буквально следующее: «Давно пора к таким произведениям, к их языку ставить пометку «устаревшее», как ставят в толковых словарях пометку к вышедшему из активного употребления слову».

Я был смущён, как бываю в смущении люди, рядом с которыми откровенно грубо, похамски нарушают правила приличия. Моё потрясение усиливалось ещё и тем, что представитель творческой элиты страны успял свою речь англицизмами, без которых вполне мог обойтись. Он это делал с видимым удовольствием, воинственно и нагло. «Эксклизивы», «топы», «драйвы», «тренды», «нон-стопы», «прайсы», «имиджи», «мессиджи», «креативы» и прочие «фишки» сыпались из уст учителя грибоедовского языка в таком изобилии, что хоть святых выноси.

А ведь русский. Не какой-нибудь «французик из Бордо». (Помните? «В той комнате незначайшая встреча: Французик из Бордо, насаживая грудь, Собрал вокруг себя род веча И сказывал, как снаряжался в путь В Россию, к варварам, со страхом и слезами...») Но от него несло такой смердяковщиной, что в ней может, наверное, разобраться только психолог и знаток человеческих душ, равный Достоевскому. Поэтому не о нём речь, а речь о том, как его «слово отзовется». Ведь слушали его миллионы. И среди них — учителя, дети, родители.

Язык грибоедовской комедии нам необходим сейчас как никогда. Он современен, потому что в нём теперь нужна. Он как способ сохранения нашего самостояния. Без него мы утрачиваем чувство собственного духовного достоинства. Чтобы очиститься от чужести, от налёта не всегда нужных иноземных слов и понятий, внедрённых в нашу жизнь искусственно, моды ради, нужно «читать и перечитывать классику». И не только по совету Игоря Волгина, ведущего «Игры в бисер», а по зову души, сердца. Это нужно делать ещё и для того, чтобы остаться русским.

Ведь всё идёт через наш язык. Ф. М. Достоевский отмечал: «Существует один знаменательный факт: мы на нашем ещё не устроенном и молодом языке можем передавать глубочайшие формы духа и мысли европей-

ских языков». И как жаль, что представитель творческой элиты внедряет в наше сознание совсем не элитные сентенции о том, что язык комедии Грибоедова «Горе от ума» устарел. Наш язык, язык Грибоедова, Пушкина, молод. Не прошло и двух веков, как было написано это великое произведение, о языке которого как о явлении необыкновенном, сильном, ярком не переставали говорить современники великого создателя уникального по всем меркам произведения. Жизнь доказала правоту А. С. Пушкина, сказавшего о комедии: «О стихах не говорю, половина должна войти в пословицы». А пословицы, поговорки, присловья всегда молоды, нетленны, как дух народный.

Когда русский человек читает эту комедию, то он обязательно в ней почувствует некую притягательную силу, которая зарожается. И эта сила — язык. Все афоризмы комедии основаны на принципе народных пословиц и поговорок. Оно, это произведение, русскому читателю уже и родня. Беру навскидку из комедии: «Ну вот у праздника! Ну вот вам и потеха! Однако нет, теперь уж не до смеха; В глазах темно, и замерла душа; Грех не беда, молва нехороша». Что обветшало в этих словах? Как каким приткнуть «устар.»?

Меткие грибоедовские афоризмы живут теперь своею, вне комедии, жизнью. Они давно стали принадлежностью народного языка, даже стали функционировать в обиходной речи чиновников, депутатов... «Переселились» знаменитые грибоедовские афоризмы и в другие литературные произведения именитых авторов. Вот для примера реплика Чацкого: «Блажен, кто верует, тепло ему на свете!» или «Свежо предание, а верится с трудом...»

Господина либерала, приделывающего к великой русской комедии эпитет «устаревшая Чацкого: «Здесь нынче тон каков, На съездах, на больших, но праздникам приходским Господствует ещё смелые языков: Французское с нижегородским?»

Об этом можно было бы и смолчать. Но нападки на всё русское, в том числе и на великие произведения русских писателей, стали модой. Случай эти не единичны, и это тревожит. Особенно, когда Русский мир находится в состоянии обороны.

МИХАИЛ МОРОЗ,

заслуженный учитель РФ, ЖЕЛЕЗНОГОРСК, Курская область